

Кустова Надежда Константиновна

Kustova Nadezhda Konstantinovna

преподаватель кафедры специальных дисциплин,  
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии  
Краснодарского университета  
МВД России

Lecturer, Special Subjects Department,  
Postgraduate student, Criminal Law and Criminology  
Department, Krasnodar University of  
the Ministry of Internal Affairs of Russia

## К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ УКРЫВАТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

## CONCERNING THE LEGAL NATURE OF CONCEALMENT OF CRIMES

### Аннотация:

В статье с использованием доктринальных подходов, сравнительно-правового и историко-правового методов рассмотрена юридическая природа укрывательства преступления. Особо отмечено, что международное сообщество уделяет особое внимание проблеме противодействия сокрытию (отмыванию) имущества, полученного преступным путем, представляющему собой разновидность укрывательства. Проанализирован опыт французского законодателя по закреплению дефиниции укрывательства преступлений. Определены особенности его криминализации в уголовных законах Аргентины, Иордании и Германии. На основе системного анализа положений Уголовного кодекса РФ сделан вывод, что укрывательство преступления представляет собой подинститут более объемного уголовно-правового института прикосновенности к преступлению. Обоснована необходимость криминализации укрывательства в широком понимании, а именно – укрывательства следов, средств и орудий совершения преступления, предметов, добытых преступным путем, потерпевшего, а равно лица, совершившего преступление. Автор наряду с указанными выводами формулирует предложение по оптимизации УК РФ в части закрепления в Общей части легальной дефиниции укрывательства преступления.

### Ключевые слова:

прикосновенность к преступлению, соучастие в преступлении, укрывательство преступления, криминализация, дефиниция, уголовно-правовой институт, противодействие преступности.

### Summary:

The research considers the legal nature of concealment of a crime based on doctrinal approaches, comparative legal and historical methods. The author emphasizes that the international community focuses on counteraction to concealment (laundering) of property that has been obtained illegally and is considered to be a form of concealment. The study analyzes the experience of French legislature in enshrining the definition of concealment of crimes in law as well as the aspects of its criminalization in criminal laws of Argentina, Jordan, and Germany. Based on the system analysis of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, it is concluded that concealment of a crime is a substitution of a larger criminal legal institution of involvement in a crime. The need to criminalize concealment in a broad sense is substantiated. It implies the concealment of traces, instrument and instrumentalities of a crime, objects of a crime, a victim along with a perpetrator. In addition to these findings, the author proposes updating the Criminal Code of the Russian Federation in order to enshrine a legal definition of concealment of a crime in the General Part of the Code.

### Keywords:

involvement in a crime, complicity in a crime, concealment of a crime, criminalization, definition, criminal legal institution, counteraction to crimes.

Международное сообщество в полной мере осознает ту роль, которая отведена институту прикосновенности к преступлению в общей системе противодействия преступности. Об этом свидетельствует принятие целого пакета документов, направленных на правовую регламентацию отдельных форм прикосновенности (Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г.; Конвенция о защите финансовых интересов Европейских сообществ 1995 г.; рамочное решение по отмыванию денежных средств, выявлению, отысканию, установлению контроля, аресту и конфискации орудий и доходов, полученных преступным путем, от 26 июня 2001 г. и ряд других).

В отечественном уголовном законодательстве укрывательство преступлений традиционно признается наказуемым деянием. Появившись впервые в Русской Правде, на протяжении последующих веков эта форма прикосновенности к преступлению всегда находила место в системе уголовного законодательства. Вместе с тем столь значительный опыт криминализации укрывательства в отечественном праве не исключил законодательных коллизий в регламентации этого института и дискуссий по поводу него в уголовно-правовой доктрине.

В советской уголовно-правовой науке велся активный спор относительно правовой природы укрывательства преступлений. В частности, П.К. Евдокимов считал, что укрывательство любого вида необходимо относить к соучастию [1].

По мнению Г.И. Баймурзина, следует говорить об укрывательстве только в собственном смысле этого слова. Заранее обещанное укрывательство он предлагает обозначить как интеллектуальное пособничество, выступающее в виде обещания скрыть преступника или следы содеянного. В самом укрывательстве в этой ситуации не усматриваются признаки уголовно наказуемого деяния [2].

Как отмечал М.И. Ковалев, укрывательство преступлений признается соучастием не всегда, а когда содействует конечному результату криминальной деятельности исполнителя [3].

Думается, что отождествление укрывательства преступлений и соучастия не состоятельно, поскольку различна их правовая природа.

В законодательстве зарубежных государств, как правило, криминализованы отдельные случаи укрывательства преступлений. Так, в УК Аргентины в ст. 277 гл. XIII к наказуемым отнесено сокрытие денег преступного происхождения [4]. В ст. 83 и 84 УК Иордании предусматривается уголовная ответственность за укрывательство (при отсутствии сговора с исполнителем) вещей и преступника [5]. В УК ФРГ установлена ответственность за «сокрытие имущества, добытого противоправным путем, совершённое бандой или в виде промысла» (§ 260a) [6].

Лишь УК Франции содержит дефиницию укрывательства (однако возможно оно лишь в отношении имущественных посягательств). Укрывательство (*le geseil*), по мнению французского законодателя, являет собой деяние, выраженное вовне в сокрытии, хранении или передаче какой-либо вещи либо в осуществлении посредничества для ее передачи при условии осведомленности о ее получении в результате совершения преступного деяния или проступка. Кроме того, укрывательством признается любое использование полученного в результате преступления или проступка при наличии осведомленности о его происхождении (ст. 321-1 отдела I «Об укрывательстве» гл. I «Об укрывательстве и преступных деяниях, тождественных укрывательству или сходных с ним») [7].

Генезис уголовной ответственности за укрывательство в отечественном законодательстве привел к формированию целой системы норм в Особенной части УК РФ, регламентирующих это деяние, что дает основание для обособления самостоятельного института прикосновенности к преступлению.

В специальной литературе высказано мнение, что укрывательство – это самостоятельный комплексный уголовно-правовой институт, образованный обособленной совокупностью юридических норм, предусматривающих ответственность за сокрытие преступлений и лиц, их совершивших, как разновидность противодействия осуществлению предварительного следствия и дознания, деятельности прокуратуры и суда [8]. Таким образом, автор понимает укрывательство как обособленную группу норм – правовой институт. Однако думается, что такой подход не вполне оправдан, поскольку укрывательство выступает как часть, элемент более широкого правового института – прикосновенности к преступлению. В связи с этим более точным видится подход, в рамках которого укрывательство идентифицируется как подинститут более общего правового института – прикосновенности к преступлению. Данный вывод отталкивается от выработанного в современной отечественной уголовно-правовой доктрине понимания рассматриваемых категорий [9].

Действующий УК РФ содержит три статьи, устанавливающие ответственность за укрывательство, – статьи 316, 174 и 175. Таким образом, в УК РФ регламентация рассматриваемого подинститута ограничивается рамками Особенной части, при этом общая дефиниция укрывательства в законе отсутствует. Думается, такой подход в корне неверен, поскольку оставляет поле для дискуссии относительно юридических признаков укрывательства преступлений, что может пагубно отразиться на правоприменительной практике. В сложившейся ситуации правоприменительные органы могут трактовать укрывательство преступлений по-разному, что создает опасность необъективной правовой оценки совершённого деяния. Кроме того, установление уголовной ответственности за укрывательство преступлений – важный инструмент достижения неотвратимости наказания. Так, И.А. Николайчук справедливо отмечает, что укрывательство преступления является опасной формой противодействия расследованию, препятствующей установлению истины по уголовному делу [10]. Оно способствует созданию необходимых условий или устранению препятствий для уклонения исполнителя или других участников основного преступления от уголовной ответственности [11, с. 116]. В связи с этим возникают сомнения относительно обоснованности сужения рамок наказуемости этого деяния лишь укрывательством особо тяжких деяний.

В УК РФ уголовная ответственность за укрывательство преступлений установлена статьей 316 УК РФ. Эта норма является общей по отношению ко всем иным специальным видам укрывательства (приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем; легализация (отмывание) доходов или имущества, полученных незаконным путем). Кроме того, укрывательство может выступать целью совершения ряда преступлений (заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод, разглашение данных предварительного расследования). Однако в ст. 316 УК РФ не раскрывается само понятие укрывательства. В связи с этим возникает необходимость определения семантического значения категории «укривательство».

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова оно понимается как «умышленное сокрытие преступника, орудий преступления или преступно добытых предметов». Сходное толкование укрывательства представлено и в отечественной научной литературе [12]. На взгляд В.Г. Трифонова, в один ряд синонимов с укрывательством можно поставить «сокрытие, хоронение, утаивание, умалчивание и пр.» [13].

Ряд авторов при определении содержания уголовно наказуемого укрывательства преступлений предлагает отталкиваться от положений ч. 5 ст. 33 УК РФ, аргументируя свою позицию тем, что укрывательство как форма прикосновенности отличается от укрывательства как проявления пособничества лишь отсутствием заранее данного обещания скрыть преступление [14, с. 144]. Следовательно, под укрывательством предлагается понимать сокрытие преступника, средств и орудий совершения преступления, следов преступления и предметов, добытых преступным путем.

Л.С. Белогриц-Котляревский в свое время называл три вида укрывательства – преступника; следов преступления путем их уничтожения; вещей, полученных преступным путем. Наиболее опасной он признавал третью разновидность, объясняя это корыстной окраской подобной деятельности. Остальным могли быть свойственны и альтруистические мотивы, такие как родственные либо дружеские чувства, сострадание к преступнику [15].

Определяя сущность укрывательства, А.Ф. Кистяковский писал, что оно состоит в предумышленном содействии преступнику, направленном на создание возможности для него избежать правосудия и заслуженного наказания, а также в умышленном заведомом сокрытии следов совершённого деяния и вещей, добытых преступным способом. «Центр виновности» укрывателя автор видел в проявлении вредного для общества сочувствия преступнику, что находит объективное выражение в противодействии нормальному процессу уголовного правосудия [16]. Обращает на себя внимание акцент на заведомости преступного поведения виновного. Подчеркнем, что подобный подход является традиционным и незыблемым в отечественной уголовно-правовой доктрине.

Определенную лепту в уяснение содержания категории «укривательство» вносит Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ, указавшая в своем определении, что «под укривательством понимаются активные действия по сокрытию преступника либо преступления» [17]. В данном случае суд выходит за рамки диспозиции ст. 316 УК РФ, прибегая к расширительному толкованию понятия «укривательство», поскольку в законе четко указано на укривательство преступлений. Допустим ли такой подход? Представляется, что де-юре нет, поскольку расширительное толкование уголовного закона в РФ недопустимо [18].

Итак, полагаем, что следует ограничивать «укривательство» как теоретическое понятие от «укривательства» в узком смысле – как категории уголовного закона.

Укривательство в широком смысле слова представляет собой умышленную деятельность, направленную на сокрытие следов, средств и орудий совершения преступления, предметов, добытых преступным путем, потерпевшего, а равно самого субъекта укрываемого преступления от уголовного преследования и правосудия [19]. Укривательство в рамках диспозиции ст. 316 УК РФ предполагает умышленную деятельность, направленную на сокрытие следов, средств и орудий совершения преступления, а равно предметов, добытых преступным путем. Очевидно, что этот диссонанс следует устранить, поскольку, безусловно, в деле противодействия преступлениям большое значение имеет наказуемость укрывательства как преступления, так и его субъекта. Ограниченность криминализации укрывательства в УК РФ не имеет под собой никаких объективных оснований. В связи с этим необходимо криминализовать в УК РФ укривательство в широком смысле.

Таким образом, нормы УК РФ об укривательстве преступлений представляют собой подинститут института прикосновенности к преступлению и не могут рассматриваться вне его рамок. Необходимость обеспечения уголовно-правовых основ противодействия укривательству преступлений требует криминализации его различных видов с конкретизацией их в диспозиции ст. 316 УК РФ – укривательство следов, средств и орудий совершения преступления, предметов, добытых преступным путем, потерпевшего, а равно лица, совершившего преступление.

Недостатком действующей редакции УК РФ является отсутствие понятия «укривательство преступления». Поэтому считаем необходимым закрепление его легальной дефиниции в Общей части УК РФ с изложением ее в следующей редакции: «Под укривательством понимается умышленное заранее не обещанное деяние, направленное на сокрытие преступления, следов, средств и орудий его совершения, предметов, добытых преступным путем, либо субъекта укрываемого преступления от уголовного преследования и правосудия, а равно потерпевшего».

#### **Ссылки:**

1. Евдокимов П.К. Ответственность за укрывательство по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1953. С. 12.
2. Баймурзин Г.И. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 96.

3. Ковалев М.И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. С. 9.
4. Уголовный кодекс Аргентины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 21.04.2018).
5. Уголовный кодекс Иордании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=15077> (дата обращения: 01.04.2018).
6. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 21.04.2018).
7. Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 21.04.2018).
8. Семькина О.И. Ответственность за укрывательство преступлений по уголовному праву России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 10.
9. См.: Жук М.С. Учение об институтах российского уголовного права: концептуальные основы и перспективы развития. М., 2013. С. 71–72.
10. Николайчук И.А. Соккрытие преступлений как форма противодействия расследованию : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2000. С. 12.
11. Беніцький А.С. Кримінальна відповідальність за заздальгідь не обіцяне переховування злочинця // Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ ім. Е.О. Дідоренка. 2013. № 3 (64). С. 114–123.
12. См.: Абакина-Пилявская Л.Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном законодательстве разных правовых систем // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 60–64 ; Оболенинов А.А. Укрывательство преступлений: перспективы развития законодательного регулирования // Российский юридический журнал. 2014. № 3. С. 61–68.
13. Трифонов В.Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 21.
14. Метельский П.С. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2011. Т. 7, вып. 1. С. 143–148.
15. См.: Белогриць-Котляревський Л.С. Учебникъ русскаго уголовного права. Общая и Особенная части. Репр. изд. Киевъ ; Петербургъ ; Харьковъ, 1903. С. 225–226.
16. См.: Кистяковский А.Ф. Элементарный учебникъ общаго уголовного права съ подробнымъ изложениемъ началъ русскаго уголовного законодательства. Часть Общая. Второе исправленное и значительно дополненное издание. Киевъ, 1882. С. 610.
17. См.: Надзорное определение СК по уголовным делам Верховного суда РФ от 8 июня 2010 г. № 67-Д10-8СП [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
18. См.: Морозов Б.П. Правоприменительное толкование уголовного закона. Новосибирск, 2016. С. 83.
19. См.: Метельский П.С. Указ. соч. С. 144 ; Саади Я.М. Соотношение соучастия и прикосновенности к преступлению по уголовным кодексам Иордании и Украины // Вісник Одеського національного університету. Правознавство. 2009. № 1. С. 65 ; Семькина О.И. Указ. соч. С. 15 ; и др.